

может обойтись без фигуры В. И. Ленина (М. Ф. Быкова) и всего спектра русского марксизма (М. Е. Соболева). О месте «русского философствования» в процессе трансформации культурного сознания предреволюционной, революционной и постреволюционной эпох говорится в главах, посвященных «систематической философии» В. С. Соловьева (Н. В. Мотрошилова), философии языка Г. Г. Шпета (Т. Немец), традициям эпистемологического дискурса в постсоветской философии (Б. И. Пружинин и Т. Г. Щедрина). Несомненную ценность представляют главы обзорного характера, посвященные русскому гегельянству (Д. Лав), рецепции И. Канта и неокантианству (А. Н. Круглов), освоению российским интеллектуальным пространством естественно-научных открытий XIX века (Д. Стэйла).

Процесс исторической реконструкции не обходится без интригующих поворотов и неожиданных сопоставлений. Так, по мнению В. К. Кантора, в оппозиции социально-политическому кризису Российской империи середины XIX века рядом оказываются Ф. М. Достоевский и Н. Г. Чернышевский. И это вовсе не стремление к оригинальности, поскольку исследователь сопровождает предлагаемую схему четким набором аргументов, в частности напоминая читателю, что именно Достоевский со своим журналом был чуть ли не единственным «защитником» романа «Что делать?» в русской печати.

В стремлении соединить традиционно не сочетаемое В. К. Кантор не одинок. Так, в статье, посвященной восприимчивости русской литературой событий Гражданской войны и сталинской России, С. А. Никольский ставит рядом «Тихий

Дон» М. А. Шолохова, прозу Андрея Платонова и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова. Благодаря усилиям авторов вполне адекватно вписываются в литературно-философский контекст книги очерки о философии музыки А. Ф. Лосева (Е. А. Тахо-Годи и К. Н. Зенкин) и о Ю. М. Лотмане — создателе московско-тартуской семиотической школы (Н. С. Автономова).

Осмелимся утверждать, что главными героями книги становятся Л. Н. Толстой и М. М. Бахтин, каждому из которых посвящено по две главы. Примечательно, что Л. Штайнер и Г. Пикфорд сосредоточили свое внимание на толстовской философии жизни и ее ключевой роли в трансформации социального, культурного, философского и литературного сознания рубежа XIX–XX веков. Несколько иначе представлен М. М. Бахтин. Так, В. Л. Махлин предлагает своего рода бахтинский хронотоп русской культуры и русской философии с двумя отправными точками — пребыванием мыслителя в интеллектуальном пространстве 1960–1970-х годов и рецепцией идей Бахтина на Западе в 1970–2010-е годы. Г. Тиханову важно подчеркнуть, насколько вписывается в общий контекст бахтинских идей понятие «мировая литература», напрямую связанное с бахтинским видением «большого времени».

Нет сомнений, что рецензируемая книга выходит далеко за жанровые границы справочника для студентов. Авторам удалось создать живую и яркую картину развития русской литературы и русской мысли за последние 300 лет, что делает ее насыщенной необходимой для любого англоязычного исследователя России и русской культуры сегодня.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-268-271

© А. С. Бодрова

ПУШКИН И ТЮТЧЕВ SUB SPECIE POLITICAE*

Новая книга А. Л. Осповата и Р. Г. Лейбова — наверное, одна из самых долгожданных филологических работ о Тютчеве последних лет, которая, как и энциклопедическая статья тех же авторов «Тютчев Федор Иванович»,¹ успела образовать собственную литературно-бытовую мифологию. Книга продолжает многолет-

ние разыскания коллег, совместные и индивидуальные, в области биографии и творчества Тютчева, разыскания, sine ira et studio касающиеся неоднозначных эпизодов жизни и деятельности поэта и чиновника, а также его политической лирики, идеологическая ангажированность которой способна вызвать в первую очередь недоуменное читательское раздражение и лишь потом исследовательский интерес.

В центре новой книги Лейбова и Осповата текст такого же типа — одно из ранних политических стихотворений, «занимающее периферийное место в тютчевском корпусе», не входящее «в категорию перечитываемых» (с. 8) и памятных читателям, — «Огнем свободы пламенея...», которое традиционно, хотя и без особых оснований, публикуется под редакторским за-

* Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Стихотворение Федора Тютчева «Огнем свободы пламенея...»: Комментарий. М.: Новое издательство, 2022. 154 с. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры). Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00306.

¹ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6. С. 350–361.

главием «К оде Пушкина на Вольность». Несмотря на маргинальный статус стихотворения в том числе в исследовательской литературе, проблематичность верификации основного текста, позднюю известность в печати, оно оказывается чрезвычайно любопытным объектом для историко-литературного комментария, благодаря которому за поэтически несовершенным опытом семнадцатилетнего автора проступает сложная и многоплановая конфигурация биографических, собственно литературных, политических и идеологических обстоятельств конца 1810-х — начала 1820-х годов.

Работа Лейбова и Осовата — виртуозный образец комментаторского жанра, еще раз доказывающий его значимость, продуктивность и перспективность, вопреки давним скептическим сомнениям в его жизнеспособности.² Соблюдая привычную структуру: текстологическая история (описание источников, обоснование выбора основного текста и датировки — см. раздел «Текстологическая справка» и главу I «Печатная и допечатная история»), общая концепционная преамбула, описывающая разноплановые контексты создания и бытования стихотворения (глава II «Новизна и старина», глава III «Двадцатый год» и приложение к ней «Революция обойдет весь мир»), и построчные комментарии (глава IV «Опыт разбора текста»), — соавторы выстраивают как сюжет, так и интеллектуальную интригу книги.

Сюжетность обеспечивается за счет истории литературных отношений Тютчева и Пушкина, начальным звеном которой оказывается комментируемое стихотворение, представляющее собой полемический отклик младшего поэта на известную пушкинскую оду «Вольность». Исследователи реконструируют литературные, институциональные, политические установки молодых сочинителей в 1818–1820 годах, показывают значение их поэтических выступлений на фоне драматической идеологической коллизии этого периода царствования Александра I, когда поощряемый императором (само)возрастающий «дух времени», дух либеральных реформ и чаяния политических свобод, дарованных сверху, под влиянием европейских и отечественных событий (революции в Испании и Италии, убийство герцога Беррийского и А. Коцебу, восстание в Семеновском полку) резко сменился деспотической реакцией. Подробно очерченный в главах II–III сверхдинамичный политический фон 1819–

1820 годов заставляет вернуться к «медленному» перечитыванию стихотворения (глава IV) в этой новой перспективе, и благодаря такой оптике на первый взгляд неочевидная тютчевская конструкция становится куда более ясной и четкой. Таким образом, *перечтение* дает новое прочтение текста — как в развязке детектива или остросюжетной новеллы.

При этом монографический формат позволяет преодолеть ограниченность и формульность структуры комментария, сложившейся в академической практике, расширяя объем материала и контекстуальный горизонт. Так, в главе I «Допечатная и печатная история» подробнейшим образом реконструируются обстоятельства бытования и ввода в научный оборот всех известных источников тютчевского текста — это неполная публикация 13 заключительных стихов в составе мемуарного сочинения В. П. Горчакова по принадлежавшему ему списку (1850); значительно более полный текст стихотворения в «Русской старине» (1887), восходящий к списку из архива С. Д. Полторацкого; вариант неидентифицируемого «старинного списка», напечатанный В. Ф. Саводником (1903), и, наконец, наиболее полная и наиболее авторитетная публикация «Огнем свободы пламеня...», осуществленная Г. И. Чулковым (1933–1934) по ныне не разысканному списку из архива С. Д. Полторацкого. История каждой публикации, как и история рукописей, на которые они опирались, восстанавливается соавторами с исчерпывающей полнотой, с опорой на многообразные печатные и архивные источники. Такая археографическая тщательность выразительно контрастирует с неутошительным для текстолога-позитивиста выводом о некоторой фантомности основного текста стихотворения, верификация которого невозможна из-за утраты копии из архива Полторацкого.

В центральных главах книги (II и III) в полной мере демонстрируется анонсированная во введении «сплетка контекстов — идеологического, литературного и биографического» (с. 8), не только работающая на прояснение стратегии юного Тютчева в околонуниверситетской и литературной среде, но и существенно дополняющая сложившиеся представления о позиции и литературно-бытовом поведении Пушкина в 1818–1820 годах. Соавторы показывают принципиальную разницу их установок и тактики, проявившуюся в самом начале творческого пути и интересным образом подсвечивающую традиционную российскую антинормию «Москва vs Петербург» (с. 38–39). Для молодого «москвича» Тютчева, с ранних лет отличавшегося широкой эрудицией и интересом к античной словесности, обретение литературного статуса было тесно связано с университетскими институтами и околонуниверситетской средой (ср. покровительство А. Ф. Мерзлякова, позволившее 12-летнему Тютчеву слушать университетские лекции, сверххранное избрание в Общество любителей российской словесности (ОЛРС) при Московском университете — на его

² См., например, полемику о статусе комментария, развернувшуюся на XI Лотмановских чтениях (18–20 декабря 2003 года), в живом изложении В. А. Мильчиной (*Мильчина В. А. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения*. М., 2019. С. 179–182), а также стенограмму круглого стола «Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху» (Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 103–120).

заседаниях состоялись первые публичные чтения текстов Тютчева, а в периодическом издании ОЛРС они затем появились в печати), в то время как для Пушкина, выпускника Царско-сельского лицея, который по общему мнению сильно уступал в уровне образования не только Московскому университету, но и университетскому благородному пансиону, «авторитетная научно-культурная традиция» (с. 39) была скорее точкой отталкивания — особенно в послелицейский период, когда важной частью его поведенческой и поэтической стратегии стал откровенный эпатаж. При этом Пушкин — в отличие от остававшегося в литературной безвестности Тютчева — неоднократно печатался в журналах, его сочинения также читались в ОЛРС и петербургском ВОЛРС, а критики все чаще называли его имя в одном ряду с признанными мэтрами «новой школы» — Жуковским и Батюшковым. Все эти обстоятельства, согласно убедительному пояснению соавторов, неизбежно налагали «ревнивый оттенок <...> на исходное отношение Тютчева к Пушкину» (с. 38) и обусловили интерес к печатным и непечатным сочинениям последнего.

На первый взгляд, более далеким, но на деле не менее важным контекстом появления поэтического отклика Тютчева на оду «Вольность» оказывается контекст идейно-политический — динамично менявшиеся в 1818–1820 годах общественные настроения и установки высшей власти. Центральным событием, запустившим ожидание существенных либеральных преобразований, в том числе отмены крепостного права, и распространения «законо-свободных учреждений» (как император предложил передать по-русски institutions libérales — с. 45), стала известная речь Александра I при открытии Польского сейма 15 (27) марта 1818 года, которую впоследствии декабристы называли одним из источников для программ тайных обществ. Именно в такой предреформенной атмосфере, как подчеркивают соавторы, создавались известные пушкинские политические стихотворения — «Деревня», послание «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...») и, наконец, ода «Вольность».

На фоне общего оживления тем сильнее было скорое разочарование, вызванное ощутимым поворотом к консервативной и репрессивной политике, наметившимся во время Аахенского конгресса (конец сентября — конец ноября 1818 года) и ставшим более явным в 1820 году под влиянием резонансных европейских событий — восстания под предводительством Риго в Испании (начавшегося в конце декабря — январе 1820 года), убийства наследника французского престола герцога Беррийского 1 (13) февраля 1820 года, восстания «карбонариев» в Неаполитанском королевстве (поднявшегося 20 июня (2 июля) 1820 года). Эта цепь европейских политических потрясений 1820 года существенно изменила отношение власти и отчасти общества к либеральному «духу времени» и публичному или полупубличному обсуждению возможных преобразова-

ний в России, породив страх перед неизбежной революцией, которой — согласно часто вспоминаемому в то время пророчеству Мирабо — *суждено обойти весь мир* (истории этой формулы и ее бытованию в начале 1820-х годов посвящен особый экскурс — Приложение к главе III). После убийств Коцебу и герцога Беррийского и в особенности после пушкинской выходки в театре, когда молодой поэт вызывающе демонстрировал литографированный портрет Лувеля с надписью «Урок царям», строки «Вольности» про удел «самовластного злодея» стали читаться как оправдание политического убийства во имя свободы и торжества «высшего закона», а их автор начал казаться дерзким «развратником» и «возмутителем» (с. 76, 83), заслуживающим по меньшей мере немедленного удаления из столицы.

По предположению Осповата и Лейбова, именно в таком контексте весны–осени 1820 года прочел или перечел оду «Вольность» Тютчев, для которого равно сомнительными были и идеи радикальных насильственных преобразований (внушавшие неприятие и близкому в тот момент к Тютчеву молодому М. П. Погодину, мечтавшему о постепенных переменах, «без шума» — с. 82), и публичные эпатажные жесты вроде пушкинской выходки в театре, о которой Тютчев мог знать от своих светских знакомых. Основным импульсом к созданию тютчевского послания, по мысли соавторов, могла послужить именно «публичная эскапада Пушкина»: в стихотворном обращении младший поэт упрекал старшего, награжденного «великим уделом», в «дискредитации собственного манифеста — надписи: „Урок Царям“ не только до крайности усиливала эффект от демонстрации портрета убийцы, но также извращала смысл псалмодического стиха в финале „Вольности“: „И ныне учитесь, о цари!“» (с. 84). В полемическом послании Тютчев противопоставлял пушкинскому желанию «уметь сердца тревожить» способность «смягать сердца», за которой просматривалась авторитетная и древняя литературная традиция, восходящая к «Искусству поэзии» Горация и значимая как для ученой поэзии молодого Тютчева, так и для установок его литературного наставника С. Е. Раича (с. 118–120). Замыкая таким образом политические и литературные контексты, соавторы вновь демонстрируют принципиальные различия литературных стратегий Пушкина и Тютчева в начале 1820-х годов. В случае Пушкина южная ссылка оказалась благодарным материалом для построения узнаваемого литературного автообраза, во многом опиравшегося на память о петербургском политическом эпатаже и суровой расправе за него, в то время как Тютчев, хотя и довольно активно публиковал собственные тексты, намеренно подписывал их инициалами своего брата, обрекая себя на авторскую безвестность, столь отличную от «громкой» пушкинской славы первой половины 1820-х годов.

Читателю и рецензенту этой *небольшой книжки* сложно удержаться от триумфистиче-

ского цитирования памятного стихотворения Фета, в данном случае более чем оправданного. Однако в завершение рецензии хотелось бы обратить внимание и на всю книжную серию «Нового издательства», в которой вышла без преувеличения замечательная работа Осовата и Лейбова, — серию компактных, но чрезвычайно насыщенных и профессиональных филологических исследований, в том числе комментаторского типа. В ее рамках увидели свет комментарии В. В. Зельченко к стихотворению В. Ф. Ходасевича «Обезьяна» (М., 2019), увлекательные очерки А. А. Долинина

об истории идеологических и культурных клише «„Гибель Запада“ и другие мемы. Из истории расхожих идей и словесных формул» (М., 2020), мандельштамоведческие разыскания Г. А. Морева «Осип Мандельштам. Фрагменты литературной биографии (1920–1930-е годы)» (М., 2022). Все эти работы, демонстрирующие неисчерпанность и продуктивность комментаторской парадигмы, читаются — в силу разных обстоятельств — как остро актуальные, поддерживая более чем необходимую сейчас культурную и политическую (само)рефлексию.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-271-273

© М. В. Отрадин

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ А. А. ФЕТА*

Книга профессора МГУ М. С. Макеева «Афанасий Фет» издана в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», которая, как известно, ориентирована не столько на узкопрофессиональную, сколько на широкую культурную аудиторию. Однако по ряду признаков есть основания не относить новую фетовскую биографию к категории научно-популярных изданий. Дело не только в том, что здесь даны 664 ссылки на источники, но прежде всего в уровне затронутых проблем. Автор осмысляет накопленные фетоведом за последние десятилетия научные знания. Особенно значимыми в этом ряду оказываются публикации переписки Фета с некоторыми современниками (Н. Н. Страховым, В. П. Боткиным, Я. П. Полонским, великим князем Константином Константиновичем (К. Р.), С. А. Толстой), вошедшие в 103-й том «Литературного наследия» («А. А. Фет и его литературное окружение»). В целом же книга рассчитана на подготовленного читателя. Порой даже достаточно искушенного. Например, чтобы уяснить, чем объясняется фетовское неприятие «гегелевских абстракций» или каково было воздействие на поэта идей Шеллинга.

В поле зрения исследователя оказывается все многообразие творчества Фета: лирика, проза, переводы, литературная критика, публицистика, мемуары. Трудность, с которой столкнулся биограф, очевидна: все-таки еще недостаточная изученность литературного наследия Фета и его личной жизни как смысла и содержания особой сферы деятельности. Биография писателя неизбежно оказывается и повествованием о внешних фактах его существо-

вания, и рассказом о том, каким был путь души, и, в той или иной степени, высказыванием о его творчестве. То, что жизнь Фета окружена множеством легенд, было осознано литературоведами давно. Полвека назад В. В. Кожин утверждал, что «многие легенды о Фете ныне развеяны или подорваны».¹ Эти «легенды» (сейчас чаще пишут о «мифах») оказались довольно стойкими, и автор биографии это учитывает.

Я. П. Полонский однажды заметил Фету: «По твоим стихам невозможно написать твоей биографии».² Хорошо знавший поэта с молодых лет Ап. Григорьев назвал его жизнь «положительно-мечтательной».³ Об антитезе «поэт Фет — фермер Шеншин» было много сказано еще современниками. Уже в XX веке Ю. И. Айхенвальд сформулировал как бы давно доказанное: «Писатель как человек и писатель как художник — это разные личности <...> Что прибавляет к Фету Шеншин <...> Биография ничего не разъясняет...»⁴ Подтверждение своей раздвоенности дает как бы и сам Фет. В письме В. П. Боткину (1861) он сообщает о своих хозяйственных заботах: «Я люблю, и очень люблю природу, но мне теперь, в настоящее время она пугало <...> Я или жду, или боюсь дождя».⁵ Дождь в этом случае — подробность не только хозяйственной, но и творческой жизни. «Фет, — читаем в биографии, — не писал лирики три года» (с. 257). Но к нему

¹ Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века. М., 1978. С. 177.

² Лит. наследство. 2008. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение. Кн. 1. С. 869.

³ Григорьев А. Письма. М., 1999. С. 398.

⁴ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994. С. 23.

⁵ Лит. наследство. Т. 103. Кн. 1. С. 304.

* Макеев М. С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»).